

ный) Милютин: в его военные училища сбегались эти „опальные“ учителя.

В Воронежской военной гимназии Георг. Вал. сразу выделился из среды своих сверстников. Прекрасно подготовленный своей матерью, обладающая чудной памятью, быстрым умом и сообразительностью, Жорж сразу обратил на себя внимание преподавателей. Особенно блестящи были его успехи по литературе: он с любовью занимался изучением истории литературы, блестяще писал сочинения. Ученье давалось ему легко, почти шутя. Мать его один раз приехала в Воронеж и спросила, готовит ли Жорж уроки. „Нет“, ответили ей, „уроков не учит, только всегда читает другие книги“. Обеспокоенная мать обратилась к наставнику с вопросом: „что с моим сыном? Почему он не учит уроков?“ Наставник возразил: „ваш сын великолепно учится и делает блестящие успехи. Он у нас первый ученик, и мы им весьма довольны. Мы теперь поняли его, с ним надо только добром обращаться“.

И действительно, Жорж учился хорошо (по окончании его фамилия была записана на золотой доске, как лучшего ученика; но когда он сделался революционером, начальство распорядилось стереть крамольное имя с доски) и, кроме того, он много читал; глотал он книги и тогда, когда приезжал на отдых домой, чем немало тревожил свою любящую мать. Страсть к самообразованию появилась у него уже тогда.

Тогда же в гимназии, отчасти под влиянием матери, Жорж начал ликвидировать и свои религиозные предрассудки. Он много читал и думал

о религии и в старших классах гимназии начал устраивать на уроках диспуты с своим учителем — попом. „Нет, молодой человек, — взмолился поп после нескольких таких споров: „оставимте эти диспуты, иначе уроки закона Божия превратятся у нас в уроки о безбожия“.

По окончании военной гимназии в Воронеже Георг. Вал. поехал в Петербург и поступил (так полагалось) в Юнкерское Училище. Там он продолжал свое самообразование, сошелся с передовой молодежью того времени, а по окончании училища в 1874 г., имея 17 лет от роду, бросил военную дорогу и поступил в Горный Институт, блестяще выдержав вступительный экзамен.

II. Начало революционной деятельности.

Здесь революционные знакомства Плеханова развернулись уже гораздо шире: он познакомился со многими революционерами, в том числе и с рабочими. Особенно сильное впечатление произвел на него рабочий Митрофанов. „Я увидел, рассказывал потом Плеханов (в своей брошюре „Русский рабочий в революционном движении“), что мой собеседник читал не одни только ряженные брошюры. Ему знакомы были сочинения Чернышевского, Бакунина, Лаврова и он умел отнестись к ним критически“.

В начале 1876 г. Плеханову представился случай поближе познакомиться с петербургскими рабочими: его знакомые попросили у него разрешения устроить тайное собрание в его комнате. Пле-

ханов согласился. Вот как он сам, в том же произведении, описывает впечатление от этой сходки: „Митрофанова я считал исключением, теперь я узнал, что подобных ему исключений много. Дело сближения с народом, прежде пугавшее меня своими трудностями, показалось мне теперь простым и легким. Не откладывая его в долгий ящик, я решил немедленно же, и как можно ближе, сойтись с моими новыми знакомыми. Поддержать раз завязавшиеся сношения с ними было тем легче, что некоторые из них дали мне свои адреса и звали к себе в гости... Я посетил почти всех рабочих, бывших на сходе в моей комнате, а затем уже приобрел между ними много новых знакомых. Видя, как заинтересовало меня рабочее дело, бунтари приняли меня в свой кружок, так что „занятия с рабочими“ стали с тех пор моей революционной обязанностью“. Так втягивался Плеханов в революционную работу.

Скоро ему пришлось уже выступить открытым, активным революционером.

Правительство в это время усилило свои репрессии против революционеров. Оно заключало их, особенно молодежь, массами в тюрьмы, ссылало в Сибирь. Решено было устроить массовую демонстрацию на площади у Казанского Собора 6 (19) декабря 1876 г. В назначенный день и час на площадь собралось довольно много народа, в том числе рабочих 200—300 человек. Плеханов с возвышения произнес горячую речь к демонстрантам, и при возгласах „да здравствует земля и воля“ было развернуто красное знамя. Это было

невиданное еще зрелище. Полиция бросилась было отбивать красное знамя, но толпа ее смяла и обратила в бегство. Потом полиция, получив подкрепление, вновь ударила на толпу и многих арестовала. Плеханова же ей захватить не удалось. Рассказывают, что рабочий Митрофанов быстро надел на него свой картуз и таким образом изменил его внешность так, что полиция не могла его узнать.

Казанская демонстрация имела громадное значение и для истории революционного движения и для самого Плеханова: на ней девятнадцатилетний юноша получил революционное крещение: „Казанская демонстрация“, писал Плеханов в „Русском Рабочем“, была первой попыткой практического применения наших понятий об агитации“.

Полиция напрягла все усилия, чтобы отыскать смелого агитатора на Казанской площади. Чтобы сбить полицию со следов, Плеханов на некоторое время уехал за границу, а потом, вернувшись, вновь принялся за революционную работу: он пропагандирует среди рабочих в Саратове: и „рабочие были от него в восхищении“, пишет его современник О. Аптекман: „высоко ценили его, гордились им“. Затем переезжает для работы в Петербург (где ведет пропаганду между прочим на Новой Бумагопрядильне); ему приходится, в виду погони полиции, пользоваться чужими паспортами; потом едет в Донскую область для пропаганды среди крестьян и, наконец, весной 1879 г. вступает в редакцию тогдашней революционной газеты „Земля и Воля“.